

вошли в состав правого крыла кыргызского народа виде родоплеменного подразделения «монолдор».

Во II пол. XV века, в результате военных столкновений с калмаками «Среднеазиатские» кыргызы вновь возвратились в Среднюю Азию.

Все это, в непростой и неоднозначной форме отражено в эпосе «Манас», который является своеобразным зеркалом истории кыргызов.

Список использованной литературы:

1. В.Плоских, В.Мокрынин. История кыргызов – «Илим» МП «Табылга», Бишкек, 1992-108 с.
2. Эсен уулу Кылыч. Древние кыргызы. Кыргызы в Средней Азии. – «Учкун», Бишкек, 1993-86 с.
3. Эсен уулу Кылыч. Древнекыргызское государство Хагяс . Каганат Кыргыз. Кыргызское Великодержавие. (840-нач. X в.)- «Ренессанс», Бишкек, 1994-140 с.

Рецензент: д.и.н., проф. Алымкулова С.К.

УДК 947 (58): 397

Өмүрбеков Ч.К., Өмүрбекова Н.Ч.

т.и.к., Эл аралык илим жана бизнес университетинин доценти
«Олимп» мектеп-гимназиясынын «тарых» мугалими (Ош ш.)

БОРБОРДУК АЗИЯДА ЖАШАГАН КӨЧМӨНДӨРДҮН САЛТТУУ МАДАНИЯТЫНЫН КАТЕГОРИЯЛАРЫ ЖАНА СИМВОЛИКАЛАРЫ

Сунуш кылынган макалада Борбордук Азияда жашаган көчмөн элдердин (кыргыздардын, казактардын, көчмөн өзбектердин, көчмөн түркмөндөрдүн, монголдордун) салттуу маданиятынын негизги категориялары жана символикалары каралган. Талаада чогултулган этнографиялык материалдардын негизинде, авторлор Борбордук Азияда жашаган көчмөн элдердин салттуу маданиятынын тогуз категориясын бөлүп чыгарышып, алардын ар бирин бир бирден карап чыгууга аракеттерин жасашкан.

Түйүндүү сөздөр: *категория жана символика, Борбордук Азияда жашаган көчмөн элдердин салттуу маданияты, таксономиялык, түрдүү маанидеги, жашоо маданият, экономикалык жана маданий түрлөрү*

Омурбеков Ч.К., Омурбекова Н.Ч.

к.и.н., доцент МУНиБ
учитель «истории» школы-гимназии «Олимп» (г.Ош)

КАТЕГОРИИ И СИМВОЛИКА ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В данной статье рассматриваются основные категории и символика традиционной культуры кочевых народов Центральной Азии (кыргызы, казахи, кочевые узбеки, кочевые туркмены, монголы). Дается определение термину «категория». На основе полевых этнографических материалов, авторы выделяют девять категорий традиционной

культуры кочевников Центральной Азии и попытались детально рассмотреть каждую категорию.

Ключевые слова: категория и символика, традиционная культура кочевых народов Центральной Азии, таксономические, равнозначные, культуры жизнеобеспечения, хозяйственно-культурные типы.

Ch.K. Omurbekov, N.Ch. Omurbekova

c.h.s, assistant profesor MUNIB,
teacher “history” gymnasium schools “Olymp” (c.Osh),

CATEGORIES AND SYMBOLS OF THE TRADITIONAL CULTURE OF NOMADS OF CENTRAL ASIA

In this article, we consider the main categories and symbols of the traditional culture of the nomadic peoples of Central Asia (kyrgyz, kazakhs, nomadic Uzbeks, nomadic Turkmens, Mongols). The definition of the term category. Based on field ethnographic materials, the authors sing out nine categories of traditional nomadic culture of Central Asia and attempted to examine in detail each category.

Keywords: category and symbolism, traditional culture of nomadic peoples of Central Asia, taxonomic, equivalent, life – support cultures, economic-culturist types.

В современный период, когда интерес к прошлому, к истокам истории своей культуры пробудился в человеке с необыкновенной силой, когда его желание получить ответ на вопрос «кто я»? и «откуда я»? стало частью понятия «национального самосознания». Все больше людей желает сейчас познать не только свою культуру, но и проникнуть в духовный мир соседей, чья судьба в ходе истории переплелась с судьбой нашего народа, наших предков, а значит, в чем-то и с нашей собственной судьбой. К числу таких народов относятся бывшие кочевые народы Центральной Азии – кыргызы, казахи, кочевые узбеки, кочевые туркмены, монголы, которые были расселены на территории горной и степной Центральной Азии.

Предлагаемое сообщение не является описанием традиционной культуры в общепринятом в этнографии и этнологии смысле этого слова. Слушатель или читатель не найдет в нем типичных для этнографических исследований разделов о поселении, жилище, одежде, пище, утвари, религии, семейных обычаях и т.д., ибо предметом исследования является не сама культура, а её основные категории и символы.

Может быть, термины «категория» и «символика» и не вполне удачен для поставленной нами задачи, поскольку их значение может варьироваться в разных науках или дисциплинах. Но по крайней мере он привычен и уже употреблялся в нужном нам смысле в книге А.Я.Гуревича, С.С.Аверинцева, Е.В.Баранникова, Л.Н.Гумилева, В.В.Иванова, А.Н.Кононова, Ю.М.Лотмана, В.Л.Рабиновича, Б.Ринчена, В.Н.Ткачева, Н.Л.Жуковской, С.М.Абрамзона [1]. Другие, более точные термины, которые можно было бы предложить, например культурный комплекс или координатор, все равно потребовали бы дополнительных объяснений, и поэтому их введение вряд ли оправданно.

Под «категориями культуры» мы понимаем существующий в ней набор основных парадигм, т.е. принципов описания, построения, координации и классификации всех основных её явлений и форм. Такое же определение дается в монографии Н.Л.Жуковской

[2]. По образному выражению А.Я.Гуревича, «категории культуры – далеко еще не сама культура во плоти и крови, это – некоторая сетка координат, наложенная на живую, пульсирующую и изменяющуюся действительность» [1:11].

Нами выбраны девять категорий традиционной культуры кочевников Центральной Азии. Эти категории следующие: пространство и время, календарь, праздники, понятие о счастье, пища, дарение, этикет, число, цвет. На первый взгляд может показаться, что это довольно произвольный и случайный список разнородных культурных понятий, хотя и важных каждое само по себе, но таксономически не равнозначных и логически не взаимосвязанных. Тем не менее автору, исследовавшему эти понятия на полевом этнографическом материале, они видятся в определенной взаимосвязи.

Тематика первой категории вряд ли требует особых обоснований. Пространственно-временной континуум, разумеется, есть тот единственный фон, на котором разворачиваются все явления природы и культуры. Даже там, где изложение не начинается с его специального разбора, он мыслится как изначально заданный. В нашем случае, однако, этого недостаточно, так как, чтобы сделать понятным анализ всех остальных категорий, должно быть охарактеризовано именно конкретное, специфичное для кочевых этносов Центральной Азии понимание пространственных и временных отношений.

Категорию пространства можно в целом рассмотреть в одной научной статье. Однако категория времени своеобразно преломляется в других, более детализированных уровнях этнокультурного сознания, и именно поэтому вторая категория посвящена календарю, третий – праздникам, тесно связанным с календарным циклом. Праздник всегда в какой-то мере и пиршество. Поэтому некоторые вопросы, связанные с пищей, здесь также рассматриваются. Обычно она рассматривается как одна из трех основных подсистем культуры жизнеобеспечения наряду с одеждой и жилищно-поселенческим комплексом. Но в этом комплексе пища занимает особое место, поскольку именно через неё проходит важнейшая связь человека с природной средой, связь, опосредованная хозяйственно-культурным типом данного общества, и именно способы добывания повседневной пищи и являются в конечном счете фактором, определяющим этот хозяйственный тип. Эти предложения, таким образом, характеризуют отношение этноса к специфичной среде своего обитания, к тем возможностям, которые предоставляет эта среда для полноценной жизни, и к тем воспринимаемым как вполне естественные ограничения, которые она накладывает.

Темы последующих категорий относятся уже к сфере мировосприятия и мировоззрения, к системе ценностей рассматриваемого общества: понятие о счастье и горе, социальные нормы этикета, и наконец, основные символизирующие средства, которыми оформляются эти социальные нормативы, и их образное воплощение. Из последних число и цвет в культуре кочевых народов Центральной Азии представляются наиболее семантически нагруженными.

Нами выделены девять основных категорий. Помимо того, что о них было сказано выше они отличаются еще одним специфическим свойством: в них в неразрывном единстве представлено взаимодействие материальных и духовных форм культуры. Условность разделения традиционной культуры на материальную и духовную очевидна при изучении форм их проявления. Возьмем, например, религию – бесспорно явление духовной культуры у любого народа. Однако она не существует вне культовой практики, а последняя включает в себя множество предметов материальной культуры, имеющих сакральное и ритуальное

значение. В их числе мечеть или любое языческое святилище (вроде, например, кучи камней – обо – на вершине горы у монголов), изображение божеств, различные священные реликвии, утварь для совершения жертвоприношений и, наконец, сами жертвоприношения, среди которых – продукты питания, благовонные масла и травы, ткани и одежды и т.д. Таким образом, мы видим, что «три кита», на которых строится изучение основ материальной культуры любого народа, – жилище, пища и одежда – могут быть осмыслены и в духовном плане.

Вместе с тем такая, казалось бы, чисто материальная часть народной культуры, как жилье человека, будь то кыргызская, казахская, монгольская войлочная юрта, глинобитный дом кочевых или полукочевых узбеков, туркменов, – это его микрокосм, его маленькая вселенная, и оно связано таким количеством незримых нитей с мифологией, религией и фольклором народа, что вопрос о примате материального начала над духовным во вселенских масштабах невольно уступает место представлению об их неразрывной слитности в глубине истоков народной культуры.

Сходные проблемы мы наблюдаем и при изучении пищи. Казалось бы, что может в глазах человека быть материальнее съеданного ежедневно мяса, молока, хлеба? Однако и тут мы то и дело сталкиваемся с понятиями: пища сакральная и профанная, праздничная и будничная, престижная и непрестижная. Важно не только, что едят, но с кем едят, кто где сидит и кому первому подается главное блюдо застолья. И уж конечно, очень важно, какая пища подносится в жертву богам или духам (кровавая, бескровная, растительная, молочная и т.д.), кто её готовит и кто непосредственно её ставит перед изображением или символом божества. Какой же аспект преобладает в таком подходе к пище – материальный или духовный? Именно традиционная пища кочевых народов Центральной Азии показаны во взаимосвязи с экологической средой и эволюции системы питания в ходе исторических контактов с соседями, т.е. сугубо материальные её стороны, анализ её символических аспектов, ибо без этого невозможно описать ни мир праздников, ни основы этикета.

Материалы о традиционном жилище кочевых или полукочевых народов Центральной Азии как этнокультурное явление также представлены в разных исследованиях. В основном это «Пространство и время», ибо постройка жилища, а затем освоение жилой и хозяйственной территории – это и есть первая стадия освоением человека пространства в уже сложившемся кочевом обществе, за которой следует освоение родовой и племенной территории, а затем, с появлением государства, – государственной территории в рамках его административных и политических границ. Естественно «присутствие» жилища в предлагаемой статье «Мир праздников» и «Основы этикета», ибо традиционные праздники кочевых народов Центральной Азии, в большинстве случаев отмечались в юрте и при этом возникает достаточное количество этикетных ситуаций.

Связаны друг с другом категории «Календарь» и «Мир праздников» – прежде всего потому, что в предлагаемой статье рассматриваются календарные праздники. Три основных праздника кочевых народов Центральной Азии – Орозо айт, Курман айт и Нооруз были таковыми с самого начала и лишь позднее к ним добавились религиозная и гражданская обрядность, идеология и символика, отличавшиеся на каждом этапе истории кочевых народов Центральной Азии особой спецификой.

Категория «Как уберечь счастье» посвящен вопросу отнюдь не риторическому. Понятие счастья – одно из важнейших в мировоззренческом комплексе каждого кочевого

народа Центральной Азии. У кочевых народов Центральной Азии это, во-первых, здоровье, во-вторых, потомство, особенно сыновья. Благосостояние, владение достаточным количеством скота, а также другими необходимыми вещами и престижными предметами (красивой юртой, конем-иноходцем, полным поясным набором, серебряной пиалой) также входило в понимание счастья у кочевых этнических групп Центральной Азии и в повседневной жизни частенько выступало на первый план, хотя на самом деле в системе ценностей общества в целом выше котировались те, что обладали нравственным содержанием.

Однако знать, в чем счастье, владеть им и уметь его сохранить – это даже не две, а три разные вещи. Счастье – это дар, следствие отпущенной человеку свыше особой «благодати». Во всяком случае, такая идея с древности прослеживается в традиционной культуре кочевых народов Центральной Азии. А вот сохранит или утратит человек эту «благодать», зависело только от него. Отсюда та система бесконечных запретов, ограничений, превентивных обрядов, которыми была окружена вся жизнь человека в кочевом обществе с момента рождения и которые не прекращались даже и после смерти, ибо смерть – это всего лишь пересечение границы между этой жизнью и той, что грядет ей на смену, т.е. новым перерождением.

Категория «Подарок» может показаться на первый взгляд ненужным. Действительно, в категориях «Мир праздников», «Основы этикета», «Как уберечь счастье» упомянуты различные ситуации, в которых представители кочевых народов обмениваются подарками. Однако разрозненность этих эпизодов создает впечатление, что это случайные элементы праздничного быта, в то время как на самом деле за ними стоит сбалансированная система экономических, нравственных, семейно-родственных, политических, религиозных и прочих социальных взаимных обязательств. Дарение непременно предусматривает ответный дар, хотя и не обязательно одновременный. И эта система проявляет себя как некая самостоятельная единица на разных срезах и традиционной, и официальной культуры в традиционном обществе кочевых народов Центральной Азии.

Категория «Основы этикета» не нуждается в особом обосновании. Этикет – наиболее этнически насыщенная часть любой культуры. Приветствие, прощание, поведение за столом, вход в дом, выход из дома, соблюдение определенной физической дистанции во время общения с людьми, – все знают, как это важно даже в нашей повседневной жизни. Еще большее значение имело это для традиционных обществ, где каждый поступок человека и даже отдельный «микроэлемент» этого поступка (поза, взгляд, жест, выражение лица) определяются этикетным сценарием, отработанной веками традицией. В особенно сложной ситуации может оказаться человек, попавший в иноэтническую среду, не зная её этикета. Его неведение может не только поставить его в неловкое положение, но и нанести оскорбление хозяевам. Этикет – это ядро культуры общения в любом обществе, её организационный центр [4:180]. Этим обосновано его выделение в качестве самостоятельной категории в традиционной культуре кочевых народов Центральной Азии.

Особого внимания заслуживают представления о числе и цвете в культуре кочевых народов Центральной Азии. Роль чисел (прежде всего 3, 4, 7, 9) в мифологии, магии и религии уже исследовалась разными учеными. Для кочевых народов Центральной Азии мы выделили набор из одиннадцати наиболее значимых чисел, которые в её культуре в силу разного рода причин, лежащих в области не только в мифологии и магии, но и истории,

занимают весьма значительное место. Эти числа следующие: 1, 3, 5, 7, 9, 12, 13, 37, 73, 81, 108. Они служат связующим звеном между объектами материальной и духовной культуры. Например, такие числовые комплексы, как «пять видов скота», «девять видов скота для калыма», дань «девять белых», 12 животных календарного цикла, 108 зерен в четках – это вовсе не только мифологически осмысленные объекты, хотя таковыми они тоже являются, но и материальные предметы, к которым можно прикоснуться, отобрать и отличить их от каких-то других вещей. Вероятно, это не все числа, имеющие особое значение в культуре кочевых народов Центральной Азии. Мы взяли лишь те из них, символическое значение которых, возникшее в древности и средневековье, сохранилось до начала XX в., а порою проявляется и в наши дни.

В данном докладе о цвете рассматривается основной спектр цветов, воспринимавшихся кочевыми народами Центральной Азии в глубинной семантической взаимосвязи с окружающим миром: цветовую символику имеют стороны света, материальные предметы, эмоциональные состояния и нравственные понятия. И уже с учетом всего этого цвета и краски, получившиеся при смешении природных минеральных красителей, использовались в народном традиционном искусстве.

Выше отмеченные категории в традиционной культуре кочевых народов Центральной Азии по содержанию перекликаются друг с другом. И это неизбежно. Невозможно, например, говоря об освоении пространства в культуре кочевых народов Центральной Азии, не касаться проблем его сакрализации, будь то юрта или прилегающая к ней хозяйственная территория, а говоря о сакрализации, невозможно ничего не сказать о мерах, направленных на сохранение «счастья-благодати» в юрте, о соблюдении правил этикета, потому что в юрте её готовят и в юрте же её едят, и т.д.

Говоря о числе, невозможно не возвращаться в той или иной форме к проблемам 12-летнего цикла в календаре, «сохранения» счастья в период пересечения различных важных возрастных рубежей жизни человека (9 и 12 лет, в 37-й, 73-й, 81-й годы) или не упоминать пятичленные структуры в пище, особенно в праздничной и жертвенной и т.д. С нашей точки зрения, такие повторы необходимы, так как они дают возможность наглядно продемонстрировать, что традиционная культура кочевых народов Центральной Азии – это не набор каких-то разрозненных представлений и обрядов, а сложная система. Элементы которой функционируют в тесной взаимосвязи друг с другом. На разных уровнях и в разных комплексах одна и та же деталь бывает необходимой, хотя и осмысливается порою по-разному.

Традиционная символика кочевых народов Центральной Азии не рассматривается в данном докладе как некая самодовлеющая ценность или специфическая черта, присущая именно культуре кочевых народов Центральной Азии. Символикой насыщена любая традиционная культура кочевых народов Центральной Азии, это её внутренний и часто довольно многослойный подтекст. Именно поэтому, не выделяя символику в самостоятельный раздел, мы говорим о ней во всех разделах в изучении традиционной культуры кочевых народов Центральной Азии.

Список использованной литературы:

1. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. -М.: Наука, 1984;

2. Аверинцев С.С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры// Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. -М.,1973;
3. Баранникова Е.В. Символика белого цвета в бурятских волшебных сказках//Филологические записки. Труды Бурятского института общественных наук. -Улан-Удэ,1973.-Вып.19;
4. Гумилев Л.Н. Этнос и категория времени//Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР.-Вып.15. Этнография.-Л.: Наука.1970;
5. Иванов В.В. Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии (к названию Белоруссии)//Балто-славянские исследования. 1980.-М.,1981;
6. Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках//Тюркологический сборник. 1975.-М.,1978;
7. Ю.М. Семантика числа и тип культуры//Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры.-Тарту,1970; Рабинович В.Л. Цвет в системе средневекового символизма//Природа.-1976.-№6;
8. Ринчен Б. Символика монгольского орнамента//Ринчен Б. Из нашего культурного наследия.-Улан-Батор,1958;
9. Ткачев В.Н. Эволюция охранной символики в архитектуре кочевников Центральной Азии//Советская этнография.-1985.-№1;
10. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов.-М.: Наука,1988.-С.3-12;
11. Абрамзон С.М. Категории семейно-групповой, семейной и индивидуальной собственности у кочевников.-М.,1973;
12. Бакачиев Т., Эгембердиева А. Кыргыздардын ырым-жырымдары жана символдору//Кыргызстандагы мазар басуу. Талас тажрыйбасынын негизинде.-Б.,2007ж.б.
13. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов.-М.: Наука,1988.-С.4.
14. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов.-Нальчик,1983

Рецензент: д.и.н., профессор Кочкунов А.С.

УДК: 392.31: 392.51

Осмонова С.К., Өмүрбеков Ч.К.

т.и.к., доцент ОМУ (Ош ш.),

т.и.к., доцент Эл аралык илим жана бизнес университети

ТҮШТҮК-БАТЫШ ФЕРГАНАДА ЖАШАГАН КЫРГЫЗДАРДЫН НИКЕ КЫЮУСУНУН САЛТТУУ ТҮРЛӨРҮ

Макалада XIX кылымдын аягы – XX кылымдын башында Кыргызстандын түштүк-батыш Фергана өрөөнүндө жашаашкан кыргыздардын арасында салттуу түрдө өкүм сүргөн нике кыюунун төмөндөгүдөй түрлөрү – “белдегини кудалоо”, “бешик кетти”, “баш байлоо”, “кудалашып коюу”, “кудалашуу” даректүү маалыматтардын негизинде илимий айланпага алынды. Салттуу никелешүүнүн түрлөрүнүн Кыргызстандын башка региондору